

Шестой «П» класс не отличался размерами и без того не самой большой провинциальной школе. И пусть читателя не смущает литера «П», означающая отнюдь не количество шестых классов (кроме него существовали только «А» и «Б»), но сокращение от слова «платный». За эту самую плату (составлявшую целых 120 тысяч рублей в месяц, при том, что очень неплохой для 1997 г. считалась зарплата в два миллиона) десять его учеников - восемь мальчиков и две девочки, помимо обычных предметов, учили также основам химии и физики. Кроме того, здесь было не два урока английского в неделю, как у остальных их ровесников, а четыре. Ещё одним преимуществом перед остальной параллелью были еженедельные встречи с «псишкой», как ученики между собой называли школьного психолога - высокую средней комплекции сидящую женщину лет сорока в почти неизменных белой блузе и чёрных брюках.

Оценок по этому «предмету» не ставили. Классный руководитель, в этот день не имевшая ни часов, ни внеурочных мероприятий, также не заявлялась с проверками (не говоря уж об администрации, имевшей куда более важные дела, чем следить за десятью шалопаями одиннадцати-двенадцати лет). Так что, максимальная явка на такого рода встречи составляла четыре, от силы пять человек. Среди постоянных посетителей был и Серёжа - рослый и немного полноватый мальчик, часто бывший объектом насмешек одноклассников из-за своих не по возрасту крупных габаритов и привычки (ух уж эта привычка!) мечтательно смотреть в окно, когда во дворе старшие девчонки занимались физкультурой или сбегали по школьной лестнице в своих коротких юбочках.

После контрольной по математике, бывшей последним уроком по расписанию, он не долго думая, направился в находившийся этажом выше кабинет психолога в радостном предвкушении услышать её спокойный голос, выполнить интересное задание вроде рисования какой-нибудь необычной картинки под приятную музыку, поиграть в какие-нибудь игры. Уже недалеко от двери его окликнули.

Обернувшись, мальчик увидел довольно высокую и худую девчушку в сером платье, чуть приподнимавшимся двумя маленькими бугорками в области груди. Её коротко стриженные чёрные, как смола, волосы и почти такого же цвета большие глаза прекрасно гармонировали с бледной кожей почти всегда серьёзного личика.

- Катя, тоже к псишке? - Улыбнулся он.

- Ну да. Похоже, сегодня мы вдвоём будем. Жалко, всё-таки, что Ленка не пришла...

Эта фраза немного озадачила её юного собеседника. Действительно, подругами, даже просто приятельницами они не были, увлечения у обеих девчонок класса тоже не совпадали, они даже не всегда здоровались, так почему же Катя так об этом жалеет?

- Почему? - Наконец спросил он.

- Так, - на белых, как весенний снег, щёчках проступил лёгкий румянец, - ммм... жалко. В тот раз я была с друзьями твоими, но они только и делали, что надо мной смеялись, потому их выгнали, а там и меня. Сказала, что одну смотреть нерац... нераци... короче, нельзя. А они разве тебе ничего не рассказывали?

- Нет, я ведь только с больничного вышел.

- Ну, могли и навестить там, или позвонить... Значит, они, всё-таки, не такие грубияны, как кажутся.

- Так, в чём дело?

- Там узнаешь. Просто делай, что тебе скажут, понял? - Тонем, видимо, подражавшим «классухе» спросила девочка.

- Разве я когда-нибудь там поступал по-другому?

- Там нет. А если бы поступал, я бы, просто, не пришла сегодня... Что стал, заходи, давай.

Против своего обыкновения, психолог встретила ребят не сидя за столом в кабинете, а стоя в небольшой комнатке, находившейся сразу за дверью. Кроме входной и той, что вела в кабинет, здесь была ещё одна с матовым стеклом. Серёже всегда хотелось посмотреть, что там. И теперь, похоже, его мечта начала осуществляться. Едва поздоровавшись и получив утвердительный ответ на то, будут ли они сегодня только вдвоём, Елена Игоревна закрыла ведущую в коридор дверь на ключ и велела им пройти в ту, «таинственную». За ней оказалась маленькая комнатка, освещавшаяся только одной лампой дневного света. Здесь было окно, выходившее на крышу соседнего корпуса, стояла вешалка и два стула.

- Так, - по обыкновению ласковым, но на этот раз каким-то поучительным голосом начала хозяйка кабинета, - не очень, конечно, хорошо, что вы, девочки и мальчики, не можете между собой договориться, но видимо, ничего не поделаешь. Раздеваемся до плавочек, одежду на стулья.

Без лишних слов девочка начала искать молнию на спинке платья.

- Да помоги ты девушке, в конце концов. - С укоризной обратилась психолог к Серёже, молча стоявшему красным как рак с глазами, выросшими чуть не на пол лица.

- А... з... зачем это?

- Надо, дружок. Вон видишь, девочка раздевается, и ничего, а ты парень. Не заставляй себя ждать.

На ватных ногах подойдя к другой освидетельствуемой, он неумело потянул за язычок пластмассового замка с тихим шелестом открывший под платьем кипельно-белую майку.

- Кончай пялиться, - прозвучал со стороны двери чуть насмешливый голос. - Лучше сам поторопись.

Так же медленно подойдя к своему стулу, мальчик стащил через голову свитер, снял футболку под ним и, стянув дрожащими не то от волнения, не то от холода (здесь, и правда, было довольно зябко) руками джинсы, остался в одних голубых плавках.

- Н... носки снимать? - Поднял он глаза на психолога. Но то, что мальчик увидел, заставило его забыть об этой детали собственного туалета. Прямо перед его глазами на расстоянии меньшем, чем вытянутая рука, стояла Катька, на которой не было ничего, кроме трусиков в цветочек. Чуть подрагивавшую худенькую бледную спинку девочки на уровне как-то наивно торчавших лопаток украшал ещё более светлый след, состоявший из двух вертикальных и одной горизонтальной полосы (она уже носит лифчик?! Или, может, это только купальник? Во всяком случае, раз уж есть такая возможность...).

- Ты плохо слышишь? Носочки тоже снимать, и идём с нами.

Зайдя в кабинет, психолог велела детям стать в паре шагов от своего стола, так, чтобы свет уже начавшего клониться к закату солнца лучше падал на них. Здесь стоя боком почти вплотную к голенькой Катьке, Серёжа смог более тщательно осмотреть её юное, также неизвестно от чего чуть подрагивавшее тело. Милому личику очень шёл с каждой секундой

всё сильнее разгоравшийся румянец, чёрные глазки были чуть потушены, тонкая шейка немного согнута, остренькие плечи - опущены. Под выступавшими ключицами совсем немного возвышались девичьи-каменные маленькие грудки со светлыми сосочками (надо ли говорить, что он впервые их видел?) . Плоский живот девочки как бы подчёркивался линией разноцветных трусиков, ниже которых начинались длинные ножки. В свою очередь, Катя тоже, хоть и искоса, но поглядывала на своего одноклассника, только её взгляд был сосредоточен чуть ниже его пояса, где ему становилось всё теснее в собственных плавках (такое с ним бывало и прежде, знать бы ещё от чего всё это! А то ведь очень стыдно!) .

- Хорошо, - произнесла женщина, закончив писать какие-то бумаги, - закрываем глазки. Но даже в наступившей темноте Серёжка мог слышать дыхание и чувствовать тепло тела девочки.

- Сильнее зажмуриваем, прям сильно-сильно, - последовало далее. - Хорошо, молодцы, открываем, - и смотрим ими на меня, а не друг на друга.

Дети покраснели ещё больше.

- Теперь покажем мне язычок.

Маленькие пациенты сделали, что им говорили.

- Сильнее, ещё, стараемся, стараемся, у кого длиннее, давайте узнаем... Хорошо. Теперь руки перед собой, пальчики раздвинем и стоим.

Тут Серёжа понял, что находится в невыгодном положении, ведь Катя таким образом скрыла от него свои грудки, в то время, как на него она могла смотреть сколько угодно. Причём, на пару с «псишкой», у которой, как он слышал, даже не было своих детей, а это значило, что быть перед ней голым куда более стыдно, чем, например, перед «врачихой» - бабушкой его лучшего друга.

- Глазки опять закрываем, - прозвучало (мальчик не мог сказать, к счастью его или к несчастью) тем временем, - и стоим так, до пяти считаем... я считаю. Ра-аз, два, три-и, четы-ыре, пять. Ручки опускаем. Теперь следующее задание - дотронуться до кончика носа. Молодцы. Открываем глаза, прыгаем на одной ножке, пока я не остановлю.

Приятели говорили, что у женщин и девушек, когда те бегают или прыгают, трясётся грудь. Но с Катей, почему-то этого не было, надо думать, потому, что её сисечки пока были очень маленькими. Далее нужно было делать то же упражнение на другой ноге.

- Молодцы. Теперь поворачиваемся спиной. Ножки вместе.

Краем уха слушая указания женщины, Серёжа теперь мог в мельчайших, вплоть до маленькой волосинки над самым сосочком рассмотреть грудь Кати.

- Голову держим прямо. Ишь вы какие. Ножки вместе ставим. Теперь становимся лицом друг к другу. - Видимо, понимая, насколько сейчас детям стыдно, женщина, взяв их за плечи, грубовато развернула подопечных. - Поднимаем правую руку. Так, теперь левую. Теперь правой рукой возьмитесь за левое ухо друг друга.

Мальчик не мог поверить, что с ним это происходит: мало того, что взрослая тётка заставила его раздеться в одной комнате с девочкой, так ещё теперь велит и трогать её! Тем не менее, скоро в его пальцах оказалась тёплая лихорадочно пульсирующая мочка. В тот же миг он почувствовал тоненькие девчачьи пальчики и на своей.

- Теперь правая рука - левый глаз, только аккуратнее... Серёж, эта какая у тебя рука?

- И-извините...

- Хорошо. Теперь идём до конца кабинета на носочках, а обратно на пяточках.

Мальчик не знал, как сумел пройти это небольшое расстояние. От стыда, долгого стояния, необычной походки и того странного, недавно появившегося чувства, что заставляло его подолгу смотреть и на старших девчонок и теперь на эту ровесницу, у него перед глазами всё буквально ходило ходуном. Судя по каким-то странным глазам одноклассницы, с ней дело обстояло не лучше.

- Ладно, - женщина поднялась из-за стола и, взяв ключ, направилась к стоявшему здесь же большому шкафу, - раз уж вы ко мне пришли, - продолжила она, открывая створки, - я пойду поговорю с врачом, может, и она с вами встретиться захочет, а пока идём сюда.

Прежде, чем мальчик успел понять, что происходит, его, грубовато притянув за руку, затолкали в пыльную темноту шкафа. В следующее мгновение, он почувствовал прикосновение каменных грудок Кати. Его собственная стоявшая торчком писька упёрлась ей в живот.

- Никому не рассказывай, - в темноте разгонявшейся только слабым светом, проникавшим через щели в дверях, сдавленным голосом произнесла девочка, пытаясь отодвинуться подальше.

- А ты... не ёрзай... а... то...

Но девочка будто нарочно не слушала его. Через несколько секунд мальчик почувствовал сладострастную боль в кончике.

- Нет... нет...

Но в следующий момент что-то густое вырвалось из дырочки в его головке медленно растекаясь по трусикам.

- Кать, я не нарочно, к... Кать.

Девочка молчала, так что и он вскоре оставил попытки извиниться. Минут через десять их выпустили. Психолог, кажется, вовсе, не заметила перемены в своём подопечном, а врача, как выяснилось, они не интересовали. Так что, одевшись, они покинули кабинет, а потом и школу. Дети не знали, как будут смотреть в глаза друг другу, своим одноклассникам, психологу, врачу, вообще, всем. Жизнь казалась им тюрьмой, откуда нет выхода (слава Богу, тогдашним детям был неведом тот способ побега, что зовут самоубийством) . Но это странное, унижительное и одновременно дьявольски приятное действие они не забыли никогда, пусть даже спустя многие годы, лиц и имён друг друга уже не помнили...